

М.И.Панов*

ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Эффективность деятельности руководителя только на 15 % зависит от его технических знаний, а на 85 % – от его умения ладить с людьми, располагать их к себе.

Дейл Карнеги

Введение. Зачем нужна эффективная коммуникация?

Во-первых, никакие самые строгие научные доводы и безупречные логические аргументы не могут переубедить человека, ибо каждый уверен, что существуют две точки зрения: его собственная и неправильная.

Во-вторых, люди далеко не всегда поступают разумно, более того, очень часто они действуют вопреки своим собственным интересам, а поэтому логические модели, основанные на рациональных критериях, нередко приводят к грубым ошибкам.

В-третьих, человеку свойственно опасаться всего нового, ибо в новом может таиться опасность, а поэтому люди не желают менять свою точку зрения: как было плохо, уже известно, но новизна может привести еще к худшему.

В-четвертых, если человека даже удастся заставить принять нашу точку зрения, то внутренне он будет отторгать как нечто чужеродное, постоянно будет происходить внутренняя борьба, а не изменил ли он своим убеждениям и т.д.

В-пятых, очень важно, чтобы человек воспринял нашу позицию как свою собственную, чтобы она стала его внутренней позицией. В этом и состоит главная задача эффективной убеждающей коммуникации.

I. Может ли эффективная коммуникация повлиять на ход истории?

1. Становление риторики и ее место в системе государственного управления Афин

Может ли слово ратора повлиять на ход истории того или иного государства? Не слишком ли это сильное допущение? Попробую продемонстрировать это на конкретном примере «матери» всех демократий. Как известно, специфика афинской демократии заключалась в том, что вся жизнь граждан Афин зависела от умения убедительно говорить.

Во-первых, все граждане (а их напомним, максимальное число составляло около 30-ти тысяч человек, а перепись, проведенная известным ритором Деметрием Фалерским в 322 г. до н.э., вообще дала чуть более 21 тысячи) могли участвовать в работе Народного собрания, собиравшегося 40 раз в год, т.е. чаще, чем раз в 10 дней.

Во-вторых, ежегодно переизбирался Совет пятисот — Буле, т.е. высший орган управления. Кроме того, ежегодно переизбиралось огромное количество должностных лиц

* *Панов Михаил Иванович* – доктор философских наук, профессор.

как на уровне общафинском, так и в каждой из десяти фил и в каждом из ста пятидесяти демов.

В-третьих, ежегодно переизбирался Народный суд — Гелиэя, в состав которого входило по 600 гелиастов от каждой филы, т.е. 6 тысяч человек. Для конкретного процесса из этого числа по жребию отбиралось 200, 500, 1200 и т.д. человек (к которым прибавлялся один председатель, дабы голоса судей никогда не поделились поровну). Правда, имелись случаи, когда в процессе участвовали все 6 тысяч гелиастов. Так, знаменитый ритор Андокид (включенный в канон десяти аттических ораторов) пишет о процессе своего отца, на котором как раз и имела место такая ситуация. (*Андокид. Речи, или История святотатцев (С приложением параллельных свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. До н.э.) / Перев. и коммент. Э.Д.Фролова. СПб., 1996).*

А учитывая страсть афинян к сутяжничеству, процессы происходили непрерывно, и естественно в этих условиях роль умелого владения словом становится определяющей как для политической жизни афинского государства, так и для жизни частной, связанной с постоянными тяжбами. В этих условиях не только вполне естественным, но и практически неизбежным становится возникновение риторики в соединении с софистикой. Реально расцвет софистики приходится на эпоху Перикла, «золотой век» Афин. И такая взаимосвязь далеко не случайна. Софисты (а все они были обязательно риторам, причем многие блестящими) ориентировали граждан Афин на то, что любой из них имеет право высказывать свое мнение о делах государства. «Отец» софистики Протагор из Абдер (близкий друг великого Перикла, придавший интеллектуальную «огранку» уму многолетней подруги Перикла Аспазии, написавший по просьбе Перикла свод законов для колонии нового типа — города Фурий) заявлял: «Человек сам есть мера всех вещей». Этот афоризм обычно интерпретируют как апофеоз субъективизма, а на самом деле смысл, заключенный в нем, совершенно иной: человек может судить самостоятельно обо всем, и в первую очередь, конечно же, о политических проблемах.

Именно в этот период в Афинах появляется знаменитый Горгий из Леонтин, который и является создателем риторики (хотя, ради буквоедской точности, следует упомянуть о Кораксе и Тисии, создавших учебники по риторике, которыми пользовался Горгий). К нему же восходит и традиция риторического образования: его ученик Исократ создал исторически первую школу риторики (с 3–4-летним обучением), положившей начало основаниям культуры не только Афин, но и Рима более чем на тысячу лет.

Именно в этих условиях в Афинах появляются самые знаменитые риторы: Антифонт Рамнунский, Лисий, Исей, а затем и Ликург, Демосфен, Гиперид, Эсхин, Динарх. И возникает еще одно явление, которое оказывает влияние на интеллектуальную жизнь античного мира в течение нескольких столетий — это конфликт между риторикой и философией.

2. Может ли слово политика изменить ход истории?

Ороакустический характер афинской демократии давал возможности (которые нам сегодня даже трудно представить в полной мере) манипулировать мнением и настроением граждан при помощи слова. Именно последствиями воздействия красноречия ораторов и

политиков (которые и были первоклассными ораторами) только и можно объяснить иногда необъяснимые с точки зрения здравого смысла решения, принимаемые гражданами Афин в Народном собрании и приводящие государство к катастрофическим последствиям. Одно из таких решений было вызвано речью Перикла и привело к трагической для Афин Пелопоннесской войне. Конечно же, речь Перикла была поводом, а не причиной, вызвавшей эту роковую войну. Но с другой стороны, ее можно рассматривать и в качестве одной из причин, запустивших механизм самой сокрушительной для афинского государства военной катастрофы.

Да, действительно, противоречия между Афинским морским союзом, гегемоном которого являлись Афины, с одной стороны, и Пелопоннесским союзом во главе со Спартой (Лакедемоном) — с другой, были практически непримиримы. Ведь это было противостояние не просто двух политических систем, но и борьба афинского «империализма» (как назовет в XX в. Карл Раймунд Поппер, британский философ австрийского происхождения политическую систему Афин — прообраз «открытого общества», т.е. современной западной демократии) и Лакедемона, т.е. символ «закрытого общества» — прообраза всех будущих тоталитарных режимов (См.: *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М., 1992. Т. 2: Чары Платона).

Более того, многие государства — члены Пелопоннесского союза проголосовали за войну с Афинами, но среди руководителей Спарты нашлись здравомыслящие люди, отправившие посольство к афинянам. Требования лакедемонян были суровы, но одновременно они готовы были уступить и снять многие из своих условий, понимая, что надвигающаяся война будет страшной.

И тогда Перикл произнес в Народном собрании речь (ее, как и другие речи Перикла, приводит Фукидид в своей «Истории»), которая, казалось бы, содержала очень четко продуманную, тщательно логически аргументированную программу ведения войны (но жизнь, увы, не логический процесс, а реальный). Более того, Перикл последними словами своей речи фактически спровоцировал граждан Афин, и война стала неизбежной, хотя сам Перикл убеждал сограждан, что Спарта на войну не пойдет. Вот окончание этой речи:

«Много я вижу и других оснований надеяться, что мы одержим верх, если только не будем стремиться к новым завоеваниям и без нужды подвергаться опасностям. Я опасюсь гораздо больше наших собственных ошибок, чем вражеских замыслов. Но об этом — в другой раз, когда дело действительно дойдет до войны. А теперь сначала отпустим послов, дав им следующий ответ: мы открываем мегарцам наш рынок и гавани, если лакедемоняне также перестанут изгонять чужестранцев — нас, афинян, и наших союзников (ведь и то, и другое соответствует мирному договору); мы признаем и независимость союзников (поскольку они были уже независимыми при заключении договора), если лакедемоняне также предоставят своим городам управляться по их собственному усмотрению, а не только по произволу лакедемонян. Мы также готовы, согласно договору, подчиниться решению третейского суда. Войны мы не начнем, но в случае нападения будем защищаться. Это справедливый и достойный нашего города ответ. Однако следует иметь в виду, что война

неизбежна. И чем охотнее мы примем вызов, тем менее яростным будет нападение врагов. Помните, что там, где величайшие опасности, там и величайшие почести для города и для каждого отдельного гражданина. Наши отцы выдержали натиск мидян (хотя и начали войну, не обладая столь великими средствами нашей державы, как мы, и им даже пришлось бросить свое имущество), и изгнанием Варвара (т.е. царя персов. — *М.П.*), и тем, что возвысили нашу державу до ее теперешнего величия, они обязаны более своей мудрости, чем слепому счастью, и более своей моральной стойкости, чем материальной силе. Мы должны быть достойны наших предков и всеми силами противостоять врагам, с тем чтобы передать потомству нашу державу не менее великой и могущественной» (Цит. по: *Фукидид. История / Перев. Г.А.Стратановского. М., 1999*).

И слово ратора действительно изменило ход истории — Афины стремительно приближались к катастрофе.

Еще одна попытка разорвать бесконечную цепь злосчастных войн со Спартой связана с именем ратора Андокида. Прежде чем перейти к изложению ситуации, напомним, что Андокид запятнал себя участием в деле гермокопидов (осквернителей герм — изображений почитаемого народом бога Гермеса, изображений, находившихся в Афинах буквально повсюду): в 415 г. до н.э. Алкивиад, родственник Перикла, друг Сократа (который спас Алкивиаду жизнь в бою), человек, сколь талантливый, столь и безнравственный, предложил нанести удар спартанцам экспедицией на Сицилию. Была собрана огромная армия, подготовлен мощный флот, все было готово к отплытию.

Кто знает, если бы экспедиция удалась, то мир эллинизма вполне мог бы оказаться связанным не с именем Александра Македонского, а с именем Алкивиада? Но накануне выхода в море в Афинах произошло страшное кощунство — осквернение герм. Подозрение пало на Алкивиада и его друзей-аристократов. Алкивиад готов был предстать перед судом, но афиняне отлично понимали, что за ним стоят тысячи гоплитов и моряков, надеявшихся нажиться на экспедиции. Алкивиаду было предложено отправиться в Сицилию, а расследование шло своим чередом.

И вот Андокид донес на Алкивиада и его друзей, как на участников кощунств. В результате отозванный из Сицилии Алкивиад перешел на сторону Спарты, и с его помощью лакедемоняне нанесли Афинам страшное поражение: воины на Сицилии были либо перебиты, либо умирали в каменоломнях, а надежды афинской демократии получить прибыли от экспедиции провалились. Винаватым же в этом крушении надежд демократов оказался Андокид со своим доносом, а аристократы были «благодарны» ему за казни своих родственников и друзей. Андокид был изгнан из Афин и смог возвратиться на родину только через много лет. В 391 г. до н.э. он был одним из послов, пытавшихся заключить мир со Спартой. Вот окончание его знаменитой речи «О мире с лакедемонянами»:

«Действительно, было когда-то время, афиняне, когда мы не имели ни стен, ни кораблей. Заимев же их, мы положили начало нашему благополучию. Если вы и теперь стремитесь к нему, обзаведитесь вновь и стенами, и кораблями. Опираясь на это, наши отцы добились для государства такого могущества, какого не имел еще ни один другой город. В

отношениях с эллинами они действовали при этом то убеждением, то хитростью, то подкупом, то силою. Убеждением добились мы того, чтобы в Афинах происходили выборы эллинотамиев, заведовавших союзной казной, чтобы у нас проводился сбор кораблей и чтобы мы, а не кто другой, предоставляли триеры тем городам, которые их не имели. Хитростью провели мы пелопоннесцев при постройке стен. Подкупом добились от лакедемонян того, чтобы не нести за это ответа. Силой одолели противников и добились власти над эллинами. И все это было сделано нами за восемьдесят пять лет. Потерпев поражение в войне, мы потеряли и прочее свое достояние, и стены и корабли забрали у нас лакедемоняне в виде залога: кораблями они завладели сами, а стены разрушили для того, чтобы мы не смогли с помощью всего этого вновь добиться могущества для нашего государства. Однако, послушавшись нас, сюда явились теперь полномочные послы лакедемонян. Они возвращают нам залог, они разрешают нам иметь стены и корабли и признают нашими острова. И вот, когда мы вновь имеем возможность получить такой же источник благополучия, каким владели наши предки, находятся люди, которые говорят, что не следует заключать этот мир. Пусть они выступят, — возможность для этого мы им предоставили, договорившись об отсрочке в сорок дней для обсуждения мира, — пусть хоть одна, которая приемлема: ее можно тогда удалить. Или если есть кто-нибудь, кто хочет добавить что-либо свое, пусть он также выступит и убедит вас приписать его добавление к статьям мирного договора. Пользуясь всеми статьями мирного договора, вы сможете жить в мире. Если же ни одна из них вам не нравится, неизбежна война. Все зависит от вас, афиняне; выбирайте, что вам угодно. С одной стороны, здесь присутствуют аргивяне и коринфяне, готовые доказать, что война лучше; с другой — лакедемоняне, стремящиеся убедить вас заключить мир. Окончательное решение зависит от вас, а не от лакедемонян, и этого добились мы — ваши послы. Теперь же мы, послы, уполномочиваем вас всех также быть послами. Ведь каждый из вас, кому придется поднять руку при голосовании, станет послом, ведущим переговоры либо о мире, либо о войне, в соответствии с тем, какого мнения он придерживается. Помните, афиняне, о наших словах и голосуйте за то, в чем вам никогда не придется раскаиваться» (*Андокид. Речи, или История святотатцев (С приложением параллельных свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. до н.э.) / Перев. и коммент. Э.Д.Фролова. СПб., 1996).*

Но слово, вызывающее о мире, не было услышано. Демагоги (как и Перикл в своей речи, спровоцировавшей Пелопоннесскую войну) потребовали от Спарты заведомо невыполнимых условий, и война вспыхнула с новой силой.

Еще один пример, когда слово риторы застлало истину, — это знаменитая речь Демосфена «За Ктесифонта о венке» (*Демосфен. Речи. В 3-х тт. / Отв. редакторы Е.С.Голубцова, Л.П.Маринович, Э.Д.Фролов; перев. С.И.Радцига. М., 1994—1996. Т.3*), воспринимающаяся обычно как величайший триумф его ораторского искусства. Но если подходить к оценке ситуации с точки зрения закона (а как еще можно подходить к вопросам, связанным с управлением государством?), то, безусловно, прав был Эсхин, доказавший в

своей речи, что в предложении Ктесифонта о награждении Демосфена венком дважды были нарушены законы (*Эсхин. Против Ктесифонта о венке // Ораторы Греции. М., 1985*).

3. Может ли слово оратора карать пороки и возносить достоинства?

Трагические события в жизни Афинского государства связаны с борьбой против попыток царя Македонии Филиппа II захватить (где хитростью, где силой, где подкупом) власть над всеми городами Греции. Вождями антимакедонской партии в Афинах были великие риторы Демосфен, Ликург и Гиперид. Правда, есть серьезные доказательства, что борьба Демосфена против Македонии была оплачена персидским золотом, а его поведение в деле сбежавшего от Александра Македонского с огромным количеством золота казначея Гарпала оттолкнуло от великого ратора даже его ближайших соратников: так Гиперид выступил на процессе против Демосфена с гневным словом, обвинявшим его, Демосфена, в том, что он, который должен служить примером юношам, на старости лет стал позором для Афин.

Один из самых выдающихся государственных деятелей Афин, оставивший после себя огромные средства в афинской казне, а также флот таких размеров, каких ни до, ни после него Афины не имели, Ликург был и великим ритором, вполне заслуженно включенным в Канон десяти аттических ораторов. Сила его грозного красноречия проявилась в речи против Леократа, который после трагической для Афин Херонейской битвы бежал из города на остров Родос, а потом в Мегары (хотя специально принятый закон строжайше запрещал покидать город). Возвратившись в Афины, Леократ пытался доказать, что он не предатель, а уезжал по своим торговым делам. Вот окончание этой знаменитой речи Ликурга:

«Итак, я на благо отечеству, храмам и законам возбудил этот процесс по праву и справедливости, не оклеветав остальную жизнь этого человека и не выдвигая обвинений, не относящихся к делу. Нужно, чтобы каждый из вас понимал, что, оправдывая Леократа, он присуждает к смерти и порабощению отечество и что одна из стоящих здесь урн содержит предательство, другая — спасение, так как в одну кладутся камешки за уничтожение отечества, в другую — за безопасность и благополучие города. Если же вы казните его, вы призовете всех к защите и спасению своего отечества, его доходов и благополучия. Итак, граждане афиняне, подумайте о том, что вас умоляют о помощи земля и деревья, просят о защите гавани, верфи и стены города, храмы и святилища призывают помочь им, и докажите на примере Леократа, вспомнив о предъявленных нами обвинениях, что для вас сострадание и слезы не оказались сильнее, чем неприкосновенность законов и демократии» (*Ликург. Речь против Леократа // Вестник древней истории. М., 1962. № 2*).

Гиперид — пламенный защитник греческих свобод: когда Филипп II решил напасть на остров Евбею, а афиняне проявляли нерешительность, Гиперид собрал добровольные пожертвования и снарядил против Филиппа II 40 мощных триер, причем первые две триеры — на свои собственные деньги. Но главное оружие Гиперида — это его могучее слово. Одна из самых ярких речей Гиперида — это речь против Аристогитона: когда после разгрома Филиппом II афинского и союзного с ними фиванского войска в битве при Херонее (388 г. до

н.э.) Гиперид для отражения македонского нашествия внес закон (псефизму) с предложением дать свободу рабам, вернуть изгнанных по приговору суда (что было запрещено афинскими законами!), известный сикофант (доносчик) Аристокитон привлек его к суду. От речи Гиперида сохранилось несколько отрывков, поражающих и сегодня блистательными антитезами:

«Зачем ты часто спрашиваешь о моем пребывании в должности следующими словами: «Внес ты предложение о предоставлении свободы рабам?» Да, я внес такое предложение. Ради того, чтобы свободным не пришлось испытать рабства. «Внес ты предложение о восстановлении в правах изгнанников?» Внес, ради того, чтобы никто более не подвергался изгнанию. — «Разве ты не читал законов, запрещающих вносить подобные предложения?» Я не мог этого сделать; оружие македонян закрывало от меня буквы этих законов. Не я предложил эту псефизму, а херонейская битва»».

Последствия этой речи, а также предложенного закона (псефизмы), который мог бы дать права метекам и свободу рабам были поразительными: Филипп II после этого разрешил забрать трупы афинян для погребения, хотя раньше отказал в этом отправленным к нему послам афинян.

Прошли годы. После смерти Александра Македонского в 323 г. До н.э. в Афинах вновь обостряется антимакедонская борьба. Гиперид добивается принятия решения о почестях предполагаемому отравителю Александра. Афины (и другие греческие полисы) поднимаются против нового владыки Македонии Антипатра, о котором Гиперид в ответ на слова послов Антипатра, расхваливших его как хорошего человека, заявил: «Мы знаем, что он хороший человек, но мы не нуждаемся в хорошем господине». Новая война, получившая название Ламийской, становится неотвратимой. Стратегом (т.е. командующим) был Леосфен, а душой — Гиперид, укреплявший воинский дух соотечественников пламенными речами.

Ламийская (или иначе Леосфенова) война на первоначальном этапе была успешной для афинян, и македоняне потерпели несколько неудач: Леосфен даже осадил Антипатра в Ламии, но он был убит, и военное положение изменилось: хотя греки (афиняне и их союзники) и нанесли несколько поражений македонцам — исход войны был уже очевиден. Гиперид, как подчеркивал Псевдо-Плутарх, «содействовал Леосфену в Ламийской войне и произнес поразительную надгробную речь в честь павших». Вот несколько отрывков из этой речи Гиперида:

«Разве будет время, когда мы не будем вспоминать о доблести этих людей? Разве есть место, где мы не увидим, что они пользуются любовью и почетнейшими хвалами? Разве может быть иначе в счастливые для города времена? Но раз это достигнуто благодаря им, кого же другого за это восхвалять и чью чтить память? Или когда наступило благополучие в личной жизни? Но ведь мы будем прочно наслаждаться им, благодаря их доблести.

У людей какого возраста они не будут самыми благословенными? Неужели не у стариков, которые будут считать, что благодаря этим людям они без страха и в безопасности проведут остаток жизни? Не у людей ли нашего возраста...?

Не у юношей ли и детей? Но разве они не позавидуют смерти тех людей и сами не будут стремиться подражать, как образцу, их жизни, взамен которой они оставили после себя доблесть? Разве не следует считать их счастливыми при таких почестях?

Тяжко, нет сомнения, утешать тех, кто испытывает такие страдания: ведь скорбь не смягчается ни словом, ни законом, но меру горести определяют натура каждого и привязанность его к умершему. Однако надо мужаться и по мере возможности подавлять горе и помнить не только о смерти погибших, но и доблести, которую они оставили после себя.

Если они и претерпели то, что достойно слез, то свершили то, что достойно великих похвал. Если им и не досталось в удел старости смертного, то они получили нестареющую добрую славу и оказались счастливыми во всех отношениях. А для тех из них, кто погиб бездетным, бессмертными детьми будут хвалебные гимны эллинов. Для тех же, кто оставил после себя детей, благоволение отечества будет опекуном их детей» (*Гиперид. Речь в честь афинян, павших в Ламийской войне // Вестн. древней истории. М., 1962. № 1*).

Конец жизни великого ратора трагичен: в августе 322 г. До н.э. вождь македонцев Антипатр нанес сокрушительное поражение эллинам. Он понимал, что важно не просто одержать военную победу над греками, но и сломить дух сопротивления, который поддерживался речами великих раторов — Демосфена и Гиперида. Гиперид был схвачен в храме Посейдона (по другим свидетельствам — в храме Деметры), привезен к Антипатру. Гиперида подвергли пыткам, вырезали язык, казнили, а тело бросили без погребения. Но его тело тайно вывезли в Афины, где и был похоронен великий оратор, неподкупный гражданин, негибимый защитник греческих свобод.

4. Может ли слово государственного деятеля остановить Гражданскую войну?

Гай Юлий Цезарь, как известно, был не только великим полководцем, выдающимся писателем и государственным деятелем, но и знаменитым оратором. К слову Цезаря, к сожалению (как это случалось и с другими великими раторами), не прислушались, и это привело к трагическим последствиям. Речь идет о заговоре Луция Сергия Катилины в 63 г. до н.э. Великий оратор Марк Туллий Цицерон, бывший в тот год консулом, добился чрезвычайных полномочий и требовал в своей речи в Сенате казни участников заговора. Отцы-сенаторы попали под обаяние его слов. И только один человек из всех сенаторов, а именно Цезарь, предложил не принимать решения сгоряча, не нарушать закон, а провести впоследствии полноценное судебное заседание, но после того, как страсти успокоятся, а пока арестованных заговорщиков разослать по разным городам Римской республики и содержать под строгой охраной. Вот начало этой удивительно взвешенной речи, сохранившейся только в сочинении Гая Саллюстия Криспа «О заговоре Катилины»:

«Всеим людям, отцы сенаторы, обсуждающим дело сомнительное, следует быть свободными от чувства ненависти, дружбы, гнева, а также жалости. Ум человека нелегко видит правду, когда ему препятствуют эти чувства, и никто не руководствовался одновременно и сильным желанием, и пользой. Куда ты направишь свой ум, там он всеилен; если желание владеет тобой, то именно оно и господствует, дух бессилен. Я мог бы

напомнить вам, отцы сенаторы, о множестве дурных решений, принятых царями и народами под влиянием гнева или жалости, но лучше привести случаи, когда предки наши вопреки своему сильному желанию поступали разумно и правильно» (Цит. по: *Саллюстий Гай Крисп.* Соч. / Отв. редактор Е.М.Штаерман; Перев. и коммент. В.О.Горенштейн // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне; Гай Саллюстий Крисп. Соч. М., 1999).

И это слово Цезаря заставило отцов-сенаторов переменить свое мнение, казалось, что разум восторжествовал и римский сенат не запятнает себя внесудебной расправой, но поднялся Марк Порций Катон Младший и поддержал мнение Цицерона о казни. Цицерон отдал приказ об исполнении приговора и после того, как был задушен последний, произнес свое, ставшее печально знаменитым: «Отжили!» (Вспомнил ли об этом сам Цицерон, когда принимал смерть от руки центуриона, посланного Марком Антонием по наущению вдовы одного из участников заговора, ставшей женой Марка Антония?).

Величие Цезаря наглядно видно по его поведению во время Гражданской войны: Гней Помпей Великий заявлял, что будет считать врагом каждого, кто не примет его сторону; а Цезарь — что будет считать другом всякого, кто не примкнет ни к нему, ни к Помпею, чтобы не проливать кровь римлян. И вот еще один характерный эпизод: во время войны в Испании против помпеянских легатов Афрания и Петрея Цезарь блестящей атакой своей конницы разгромил части противника, пытавшиеся захватить стратегически важную гору. Это был подходящий момент для решительного сражения и уничтожения впавших в панику помпеянцев. Более того, противник, окруженный на ровном месте конницей Цезаря, должен был сражаться в крайне невыгодных условиях. И самое главное, буквально все: легаты, центурионы и военные трибуны требовали от Цезаря немедленно дать сражение. А в ответ Цезарь произнес речь, воистину изменившую ход истории:

«Зачем ему хотя бы и в счастливом бою терять кого-либо из своих? Зачем проливать кровь своих заслуженных солдат? Зачем, наконец, испытывать счастье? Ведь задача полководца — побеждать столько же умом, сколько мечом. Жалел он и своих сограждан, которых пришлось убивать; а он предпочитал одержать победу так, чтобы они остались невредимыми» (*Цезарь Гай Юлий.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Отв. ред. Ф.А.Петровский; Перев. М.М.Покровского // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне; Гай Саллюстий Крисп. Соч. М., 1999).

Войско Цезаря вознегодовало, и солдаты открыто заявляли: «Раз упускают случай одержать такую большую победу, то они не станут сражаться даже тогда, когда Цезарь от них это потребует. Но Цезарь остался при своем решении». Цезарь блокировал подразделения Петрея и Афрания, вынудив полководцев покинуть лагерь в поисках запасов воды. В этот момент воины Цезаря отправились в лагерь помпеянцев к своим родственникам и знакомым, и, казалось бы, кровопролитие междоусобной войны будет предотвращено, но Афраний и Петрей внезапно возвратились в лагерь, приказали схватить оказавшихся там

солдат Цезаря и публично казнить их. Казалось бы, в ответ Цезарь должен был бы устроить помпеянкам кровавую баню, но он поступил иначе: он приказал тщательно разыскать всех неприятельских солдат, которые во время братания оказались в его лагере, и отпустить их без всяких преследований. Не поддаваясь гневу, а только одними маневрами оттесняя помпеянцев от доступа к воде и продовольствию, Цезарь добился того, что противник вступил в переговоры, в ходе которых Цезарь обращается перед лицом обеих армий (своей и помпеянской) со следующей речью:

«Афранию менее, чем кому-либо другому, прилично жаловаться на судьбу и взывать к состраданию. Ведь все остальные исполнили свой долг: исполнил его и он, Цезарь, не пожелавший даже при выгодных условиях, в удобном месте, в удобное время, дать сражение, чтобы можно было вполне беспрепятственно приступить к заключению мира; исполнило его войско, так как оно пощадило и защищало тех, которые уже были в его руках, несмотря на оскорбления, которым оно подверглось, и на убийство своих товарищей. Наконец, исполнили свой долг и солдаты армии Афрания, которые по собственному почину завязали мирные переговоры, причем сочли нужным позаботиться о спасении всех остальных. Так люди всех классов постарались проявить милосердие, но сами вожди и слышать не хотели о мире; они не уважали ни права переговоров, ни права перемирия и людей неопытных и соблазненных беседой бесчеловечно казнили. И вот теперь с ними случилось то, что большей частью случается с людьми слишком упрямыми и высокомерными: они прибегают и страстно стремятся к тому, что не так давно презирали. Но, впрочем, не теперь в их унижении, ни вообще при каком-либо удобном случае он не склонен требовать того, что увеличило бы его силы, он желает только, чтобы были распущены те войска, которые его враги в течение уже многих лет содержали против него. <...> Поэтому, как уже сказано, они должны оставить провинции и распустить войско. Вот его единственное и непреложное условие мира» (Там же).

Результат оказался воистину удивительным: огромная армия противника сложила оружие, разошлась по домам, а значит, Гражданская война оказалась менее кровопролитной.

Сегодня одним из важнейших теоретических и одновременно прагматически ориентированных направлений в разработке проблем применения эффективной коммуникации в государственном управлении являются попытки рациональной реконструкции построения механизмов принятия решений на основе анализа речей риториков, которые изменили на ход истории (подробнее см.: *Панов М.И.* Могут ли речи ораторов повлиять на механизм принятия решений // Системная аналитика и проблемы принятия решений / Отв. ред. А.В.Сурин, М.И.Панов, В.В.Петров. М., 1999).

5. Может ли слово ритора воспитывать людей?

Один из величайших риториков, проповедников православия Иоанн Златоуст родился в Антиохии в христианской семье. В 397 г. Иоанн Златоуст — смиренный человек без всяких связей и знакомств в столице — был избран на пост первого сановника церкви: архиепископа Константинополя. Причем власти, опасаясь, что жители Антиохии не отпустят своего любимца, тайком увозят Иоанна в Константинополь. Это избрание вооружило против него

многих; недовольство увеличилось еще более, когда он, вопреки примеру своего предшественника, не только не устраивал пиров сам, но даже не посещал их в домах вельмож.

Больше всего и с особой силой Иоанн восставал против тогдашних нуворишей, наживавших громадные богатства на даровом труде рабов и предававшихся безумной роскоши, а в то время как только в одном Константинополе до 50 тыс. человек нуждались в благотворительности. Исходная точка рассуждений Иоанна — все люди равны перед Богом и между собой. «Достоинство человека не в его происхождении, — заявлял Иоанн, — Бог не создал рабства, но одарил человека свободой». Рабство, -- подчеркивал Иоанн, -- возникло в мире как плод греха, насилия и войн.

Иоанн Златоуст не просто обличал в своих речах и проповедях неправедные деяния сильных мира сего, но и воспитывал. Характерный пример, его Слово против всесильного некогда консула Евтропия, который хотел лишить христианские храмы права убежища, а затем сам же, лишенный всего своего могущества, вынужден был искать спасения у алтаря в храме Святой Софии.

Но Иоанн не был бы величайшим проповедником, если бы он только обличал недостатки некогда всесильного Евтропия, ставшего вдруг жалким и гонимым. Иоанн заступает за бывшего консула, и не только перед императорской властью, но и перед негодующими прихожанами:

«Слова мои не брань и не глумление над его несчастьем, но вас я хочу преклонить на милость и остановить мщение. Есть бесчеловечные, кто корит нас за то, что приняли его в святилище. Жестокость их хочу я укротить этим рассказом и посему трубку о его муках.

Чем раздосадован ты, возлюбленный? Заклятый враг вбежал в церковь, говоришь ты! Богу великая слава за это, — ведь допустил он для него такую нужду, чтобы познал он и силу и человечность церкви. Силу — ибо так переменилось отношение врага к ней; человечность — ибо боровшихся против нее она теперь ограждает щитом, простирает над ними свои крылья и защищает от опасности, не помня зла, с великой любовью принимает его в свои объятия. Это блистательнее всякого трофея, это преславная победа <...>. Светел лик церкви, она щадит плененного врага, и когда все оставили его, она одна, как любящая мать, укрыла его за своей завесой и стала против царского гнева, против ярости народной и безудержной ненависти. Вот оно — украшение жертвенника! Какое тут украшение, скажешь ты, когда к жертвеннику прикасается злодей, лихоимец и вор? Молчи <...>.

Видишь, как всякий выносит отсюда лекарство, исцеленный уже одним зрелищем! Умягчил ли я вашу страсть, изгнал ли гнев? Потушил ли бесчеловечие? Привел ли к состраданию? Да, думаю, что да! Свидетели тому — ваши лица и потоки слез» (Иоанн Златоуст. Гомилия на Евтропия — евнуха, патрикия и консула // Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968).

Подобного рода проповеди, естественно, не могли понравиться сильным мира сего. А среди них — иерархи Константинопольской епархии, которые уже не хотели отказаться от образа жизни, далекого от апостольского, императрица Евдоксия и ее приближенные и

многие-многие другие. Особенно были недовольны богатые, истолковывая его призывы к благотворительности и заступничество за бедствующих, как «соблазн народа». Его обличения роскоши и суетности константинопольских дам императрица Евдоксия (жена императора Аркадия) приняла за личное оскорбление. Иоанна осудили по самым мелочным обвинениям и отправили в ссылку, но сразу же после этого в Константинополе произошло страшное землетрясение, которое все восприняли, как наказание Божье. Иоанна с большой торжественностью возвратили в столицу, но он вновь продолжал обличать пороки сильных мира сего. В 404 г. последовала новая ссылка на Кавказ, где великий ритор и умер в 407 г. недалеко от г. Пителинта (нынешняя Пицунда), в глухой кавказской окраине Восточной Римской империи. Последние слова его были: «Спасибо Господу за все!». А через сто лет и в этом мире пришло признание великому ритору — он получил прозвище Златоуст.

II. Эффективная коммуникация в истории государства Российского

1. Может ли слово ритора восстановить справедливость?

Речь ритора значима не только тогда, когда она изменяет судьбу стран и народов, но и тогда, когда она восстанавливает справедливость в отношении пусть только одного, отдельно взятого человека. Так, «гений судебного красноречия», знаменитый адвокат Федор Никифорович Плевако в сентябре 1883 г. выступил с речью в защиту светлейшего князя Григория Ильича Грузинского, обвинявшегося в убийстве доктора медицины Э.Ф.Шмидта. Дело было заведомо проигрышным, ибо князь стрелял несколько раз в любовника своей жены, и каждый отлично понимает, что один выстрел можно оправдать случайностью или состоянием аффекта, но несколько? Кроме того, прокурор, пользуясь тем, что в составе суда присяжных было 10 крестьян, один купец и один мещанин, пытался обвинить князя в том, что он с презрением относится к меньшей братии — к крестьянам и людям, вроде немца Шмидта, потому что он потомок царственного грузинского рода. И вот Ф.Н.Плевако произносит речь в его защиту:

«Я очень рад, что судьбу князя решаете вы, по виду вашему, — пахари и промышленники, что судьбу человека из важного рода отдали в руки ваши.

Равенство всех перед законом и вера в правосудие людей, не несущих с собой в суд ничего, кроме простоты и чистоты сердца, сегодня явны в настоящем деле. Сегодня, в стороне от большого света, в уездном городке, где нет крупных интересов, где все вы заняты своим делом, не мечтая о великих делах и бессмертии имени, на скамью обвинением посажен человек, которого упрекают в презрении к вам, упрекают в том, что он из стародавней, некогда властвовавшей над Грузией фамилии <...> и вам же предают его на суд!» (Плевако Ф.Н. Речь в защиту светлейшего князя Григория Ильича Грузинского, обвиняемого в убийстве доктора медицины Э.Ф.Шмидта // Плевако Ф.Н. Избр. речи. М., 1993).

Суд присяжных оправдал подсудимого.

Николай Валерианович Муравьев, будущий министр юстиции и генерал-прокурор Российской империи, свою риторскую карьеру начал в должности товарища (заместителя) прокурора Московского окружного суда. В 70-е гг. XIX в. он прославился воистину грозной

силой своего обличающего слова. Один из самых знаменитых процессов — это дело вдовы и душеприказчиков некоего миллионера Занфтлебена, душеприказчики которого генерал-майор Гартунг и граф Ланской помогли молодой вдове похитить финансовые документы. И вот слово Н.В.Муравьева:

«Перед судом нет ни богатых, ни бедных, ни сильных, ни слабых людей. Суд видит перед собою только людей, обвиняемых в преступлении, ожидающих от него справедливого приговора, — и в этом величайший залог правосудия. Поэтому я считаю своей обязанностью теперь пригласить вас вместе со мною при рассмотрении данных судебного следствия отрешиться от всяких мыслей о тех особенных, исключительных, из ряда вон выходящих условиях, которыми обставлены личности подсудимых вообще и генерала Гартунга в особенности. Судите его так же, как вы стали бы судить всякого другого, самого последнего, самого слабого, скромного человека, обвиняемого в преступлении. Забудьте о его генеральских погонах и знаках отличия, о его общественном положении, предыдущей жизни и свойствах его среды, как и всякого другого подсудимого, представшего перед вашим судом; считайте генерала Гартунга и его сотоварищей невиновными до тех пор, пока виновность их не будет для вас ясно доказана, но вместе с тем, ничем не стесняясь и не смущаясь, примените к ним и к их оправданиям ту же мерку и те же приемы, посредством которых судья удостоверяет во всяком предполагаемом посягательстве на чужую собственность. <...> Только тогда, когда убеждение ваше склонится на сторону обвинения, когда вы, убежденные фактами и очевидностью, признаете в своем сознании, что виновность генерала Гартунга и других подсудимых доказана, — только тогда, когда придется обратиться к обстоятельствам, усиливающим эту виновность, и обратитесь к общественному положению, образованию, развитию, степени обеспеченности и другим личным свойствам подсудимых. Тогда вы дадите всем этим обстоятельствам место в своем суждении и будете не только вправе, но и обязаны помнить то великое, вечное слово, что «кому много дано, с того много и взыщется!»» (Обвинительная речь прокурора Н.В.Муравьева: Дело генерала Гартунга. Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей, 7—14 октября 1877 г. // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997).

Последствия этого обличающего слова были таковы: генерал Гартунг, осознав то положение, в котором он оказался, застрелился прямо в зале суда.

И еще одно обвиняющее слово, из-за которого долгое время имя одного из выдающихся риторов России практически не упоминалось, это его речь на процессе убийц императора Александра II, Царя-Освободителя. И хотя детские годы Н.В.Муравьева прошли совместно с Софьей Перовской (в 1856—1859 гг. его отец был псковским губернатором, а генерал Перовский — вице-губернатором), Николай Валерианович потребовал и добился для нее (как и для других убийц) смертной казни через повешение.

2. Может ли слово ритора содержать в себе программу процветания страны?

Мне уже пришлось писать о тех ситуациях, когда, к сожалению, слово ритора, взывавшее к мудрости современников, не смогло изменить ход истории. Но это были «дела

минувших дней, преданья старины глубокой», а совсем иначе воспринимаются страстные и одновременно предельно аргументированные речи, содержащие программу обеспечения процветания России, но так и не услышанные современниками.

Широко известно, сколь важной (хотя неоднозначно воспринимаемой и сегодня) была программа аграрной реформы, предложенная Петром Аркадьевичем Столыпиным. Суть этой программы он излагал неоднократно, но особо хотелось выделить две его знаменитые речи. Это «Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной Думе 10 мая 1907 г.» и «Речь о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян, произнесенная в Государственной Думе 5 декабря 1908 г.». В первой из этих речей П.А.Столыпин с блеском показал бесперспективность программ социалистов о национализации земли и кадетов о разделе 130 тысяч существовавших тогда помещичьих имений. Вторая речь воистину с величайшей прозорливостью показывает взаимосвязь аграрной реформы в России с общемировыми процессами развития. И очень жаль, что это слово не было услышано, ибо и сегодня проблема собственности на землю в нашем Отечестве отнюдь не стала менее актуальной:

«Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи.

Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия» (Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия!: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911. М., 1991).

Аграрная программа П.А.Столыпина предполагала, что наиболее сильные, пассионарные крестьяне покинут европейскую часть России и заселят свободные земли Сибири и Дальнего Востока, создав тем самым «щит» для защиты русских земель от опасности демографической экспансии со стороны Китая. Прозорливость идей П.А.Столыпина можно оценить в свете весьма мрачных прогнозов о том, что к 2020 – 2025 гг. Трудоспособное население Сибири и Дальнего Востока составит всего 6 млн. человек!

III. От риторики к теории и практике эффективной коммуникации

1. Риторическое наследие России

Учиться на примерах речей риториков, даже реально повлиявших (либо, что случалось чаще, лишь пытавшихся повлиять) на ход истории, важно и нужно, но не менее значимым является осмысление результатов, уже достигнутых риторикой на уровне концептуальном, ибо это позволит не только объяснить значимость риторики в прошлом, но и прогнозировать эффективное ее применение в будущем. А для этого напомним о подлинных

интеллектуальных истоках осмысления риторики как теории и практики красноречия в нашем Отечестве.

В культуре, важнейшей частью которой является и риторика, кристаллизуется тысячелетний исторический опыт народа. Особенно хорошо написал об этом в работе «Национальное и вселенское» Георгий Петрович Федотов, русский философ и выдающийся мыслитель: «Язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей. Язык — тончайшая плоть мысли, неотделимая от ее природы, и не мысли только, а целостного духа. Поэтому язык есть имя нации как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру, т.е. идеальных ценностей». Г.П.Федотов превосходно владел тайнами выразительного языка. А может ли любой желающий достичь совершенства в таком же искусном владении речью?

Хрестоматийным является положение о том, что Михаил Васильевич Ломоносов — ученый-энциклопедист, охвативший своим гением все сферы современного ему знания. Но подчеркну главное, на мой взгляд: чем бы ни занимался этот гениальный человек (будь то химия, либо история), все это приобретало риторическую окраску. Недаром известный историк В.О.Ключевский подчеркивал: «М.В.Ломоносов хотел сделать из истории России «похвальное слово русскому народу»», т.е., выражаясь риторической терминологией, хотел создать одну из разновидностей входящих в торжественное красноречие речей — а именно панегирик. О вкладе М.В.Ломоносова в развитие теории и практики риторики можно говорить очень много, но хотелось бы, в первую очередь, выделить его вклад в разработку учения о риторических страстях (Пафос) — это его знаменитая шестая глава из «Краткого руководства к красноречию...», названная предельно значимо (ибо она действительно является принципиальным вкладом в учение о страстях): «О возбуждении, утолении и изображении страстей» (*Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоюто красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т.7*). Именно к ломоносовскому учению о страстях апеллировал знаменитый теоретик риторики и великий российский реформатор граф Михаил Михайлович Сперанский в своем рукописном трактате (ибо книга увидела свет только через пять лет после его смерти) «Правила высшего красноречия».

В теоретическом осмыслении проблем и трудностей риторики можно назвать множество достойных имен, но факт остается фактом, что значительную часть XX в. риторика в нашем Отечестве оказывалась невостребованной, более того, за ней утвердилась в энциклопедиях значение «напыщенного пустословия». Ситуация качественно изменилась в конце 80-х, а особенно в 90-е гг. XX в.: появилось большое количество солидных теоретических публикаций, а также весьма значительное число антологий и хрестоматий, отражающих разные методологические установки по отношению к осмыслению вклада российских мыслителей в теорию и практику риторики.

Но возможно и другое направление — например, издание «Антологии русской риторики», построенной по американскому принципу «предъявления» образцов художественных и научных текстов по разным направлениям. Эта антология включает в себя

следующие разделы: «Привет тебе, моя любовь, Россия!»; «Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын, как русский, — сильно, пламенно и нежно!»; «Бессмертное величие Кремля невыразимо смертными словами!»; «Язык, великолепный наш язык»; «Он — Пушкин, и бессмертный он!»; «Путь правды»; «Любовь к отеческим гробам»; «Экология и будущее цивилизации»; «О доблестях, о подвигах, о славе»; «Чужие изорвать мундиры о русские штыки...»; «Нам нужна Великая Россия!»; «И сердце бьется в упоенье...»; «Учись, мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни»; «Поэт идет — открыты вежды, но он не видит никого»; «Гений судебного красноречия»; «И беспощаден был удел бесчеловечного злодея, или Жалок тот, в ком совесть нечиста»; «Клеветникам России».

Эта «Антология русской риторики» содержит полное изложение книги М.В.Ломоносова «Краткое руководство к красноречию...», а также часть четвертую «О произношении» из его книги «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», а кроме того — различные практикумы по риторике и большую вводную статью, играющую роль мини-учебника (Антология русской риторики / Отв. ред. и сост. М.И.Панов. М., 1997).

2. Риторика в век новых коммуникативных технологий

Сегодня принципиально значимой является разработка различных концептуальных направлений, связанных с качественно новыми интерпретациями и систематиками такого классического риторического материала, каким являются тропы и фигуры (работы Романа Jakobsona, Цветана Тодорова, группы «МЮ» из Льежского университета и др.). Не менее важным является осмысление новой специфики такого важнейшего тропа риторики, каковым является метафора (работы Н.Д.Арутюновой).

Концептуальные разработки Ролана Барта и его учеников позволили риторике, как сказочному фениксу, возродиться в новом облике, уже начиная с 50-х гг. XX столетия под именем неориторики в трудах французских и бельгийских мыслителей. И сегодня — это одно из самых перспективных направлений развития риторики, но направление не единственное, ибо мир стремительно меняется, в первую очередь, под натиском новых средств коммуникации.

Реалии сегодняшнего дня, появление качественно новых коммуникативных технологий, особенно Интернета, у многих исследователей в области теории и практики коммуникации вызывает даже предположение о том, что риторика в ее классическом традиционном варианте окончательно умерла. Напомним, что первая «смерть» риторики приходилась на вторую половину XIX в. (во Франции Цветан Тодоров говорит о первой половине XIX в.), «вторая» — первую половину XX в. И вот рассуждения о новой, третьей, и видимо (как считают эти ученые), окончательной «смерти» риторики. В наиболее концентрированном виде их выразил американский исследователь Лестер Туроу:

«Мир письменных средств связи, существовавший со времен распространения грамотности, базируется на линейных логических аргументах, которые следуют один за другим, причем последующий исходит из предыдущего. Эмоциональное воздействие письменного слова гораздо слабее, чем воздействие телеэкрана. Телевидение во многих отношениях отбрасывает нас назад, в мир неграмотности. Ценится визуальное воздействие на

эмоции и страхи, а не привлекательность строгой логики мысли. Логическое воздействие возможно и с помощью электронных СМИ, но они гораздо больше подходят для пробуждения эмоций, чем для передачи логической информации. Человеку приходится учиться читать. Это требует труда, времени и расходов. Учиться смотреть телевизор не нужно. Это не требует усилий. Разница очень велика. Словарный запас тех, кто выступает по телевидению, все время сужается, и одновременно сужается лексикон тех, кто его смотрит. Отход от письменного слова изменяет сам способ нашего мышления и принятия решений. Сегодня немислимы знаменитые ораторы и речи древней Греции и Рима. То же можно сказать о выдающихся американских ораторах и знаменитых речах. Великие дебаты о рабстве между Кэлхауном и Уэбстером или Геттисбергская речь Линкольна ныне просто невозможны» (*Туроу Л.* Будущее капитализма: Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999).

Прав он или не прав, покажет время, но, очевидно, что игнорировать эти качественно преобразующие мир технологические процессы нельзя; они должны учитываться и реализовываться в новых учебных курсах, фундаментальных трактатах, энциклопедиях и словарях по теории и практике эффективной коммуникации. Автор данной статьи когда-то давно, еще в начале 90-х гг. XX в. задумал (при самом активном участии профессора В.В.Петрова) издание энциклопедического словаря под претенциозным названием «Логика. Риторика. Софистика», но жизнь все расставила по своим местам, показав, что реализация этого проекта вряд ли возможна, ибо сегодня, в первую очередь, требуется нечто другое. Это другое было реализовано в результате пятилетней работы коллектива, включающего в себя более 70-ти специалистов в области лингвистики (в том числе прагма-, психо-, этнолингвистики), теории словесности, риторики, логики (включая и математическую), этики деловой коммуникации, психологии и социологии общения, а также профессионалов в области компьютерных технологий, а особенно Интернета. Результатом этой работы стал Словарь-справочник, посвященный проблемам эффективной коммуникации (Эффективная коммуникация: История, теория, практика. Словарь-справочник / Отв. ред. М.И.Панов; сост. М.И.Панов и Л.Е.Тумина. М., 2004).

3. Факультет государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова: реальный опыт овладения эффективной коммуникацией

Реальный опыт создания целостной системы курсов по проблемам эффективной коммуникации создан на факультете государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова (декан факультета — А.В.Сурин). Это курсы по следующим учебным дисциплинам: «Культура устной речи», «Ведение переговоров», «Деловое общение», «Эффективная коммуникация в государственном управлении» и т.д.

Но особо хотелось бы выделить завершающий курс «Деловое общение». Он включает в себя (наряду и с другими темами) анализ различных типов дискуссий, умение противостоять нелояльным приемам и нелояльным аргументам, столь широко используемым сегодня недобросовестными оппонентами. Кроме того, студенты осваивают основные технологии лжи и эффективные приемы борьбы с ними. Много внимания в рамках курса уделяется

приемам опровержения, а также технологиям, ослабляющим горечь поражения. Особый интерес обычно вызывают различные аспекты национальных стилей общения, а также особенности общения с мужчиной и общения с женщиной, включая и тщательно систематизированные «законы» женской «логики».

4. Практическая значимость курса «Деловое общение»

Во-первых, программа курса построена таким образом, чтобы овладение курсом позволило научить студентов эффективно и целенаправленно пользоваться речью в коммуникативно-речевых ситуациях, типичных для их будущей профессиональной деятельности, и тем самым достигать наилучших результатов, добиваться поставленной цели. Поэтому она имеет практическую (в том числе профессионально-практическую) направленность.

Во-вторых, многие виды работ, предлагаемые студентам, позволяют им реально проявить себя в различных речевых ситуациях, связанных как с повседневным, так и профессиональным общением и требующих от студентов умения войти в предлагаемые обстоятельства, осознать стоящую перед ними цель и подчинить свое речевое поведение ее реализации. К таким видам работ относятся следующие: 1) деловые игры; 2) решение практически ориентированных риторических задач; 3) импровизационные выступления; 4) риторический анализ текстов античных раторов, философов, отрывков из произведений художественной литературы, а также специальных работ по государственному управлению; 5) тренинговые задания; 6) тесты; 7) обязательные итоговые доклады по актуальным проблемам современного делового общения.

В-третьих, программа ориентирует студентов на наиболее эффективное овладение весьма непростыми знаниями, к тому же разбросанными сегодня в огромном количестве книг, пособий, публикаций-однодневок, либо попросту недоступных студенту из-за отсутствия системного подхода, ложного ажиотажа вокруг этой тематики и т.д.

В-четвертых, в условиях рыночной экономики роль и значение деловой риторики в жизнедеятельности молодого специалиста трудно переоценить. Овладение и эффективное применение деловой риторики может сыграть немаловажное, а порой и решающее значение при приеме на работу, собеседовании, подготовке резюме и т.д. А в дальнейшей деятельности обеспечит рост престижа, конкурентоспособности и творческого потенциала молодого специалиста. Значение этого курса можно сравнить лишь с профессиональными знаниями и умениями. И они (практически ориентированные риторические знания и умения) порой становятся решающими в ситуациях публичного выступления, спора, ведения переговоров, разрешения производственных конфликтов.

В-пятых, приобретение практических навыков и умений в сфере делового общения, без которых, в реалиях сегодняшнего (а особенно — завтрашнего!) дня даже нельзя и помыслить о подлинно эффективной практической деятельности будущего политика, руководителя, предпринимателя, преподавателя, т.е. человека, который в самое ближайшее время примет на свои плечи ответственность за будущее России.

Эта практически-ориентированная задача решается в рамках курса «Деловое общение» по-разному: с одной стороны, поиски ответов на контрольные вопросы, имеющиеся в теме каждого занятия, а с другой — путем использования рекомендованной литературы (как основной, так и дополнительной), что позволит студентам закрепить знания, полученные на лекциях, превратив их в навыки и умения в ходе активной работы на семинарах.

И очень бы хотелось доверчиво надеяться, что в будущем теория и практика эффективной коммуникации, впитавшая в себя лучшие достижения не только классической риторики, но и самых современных технологий, вновь будет влиять на ход истории, и вновь слово ратора будет звать людей к свету, добру и истине, помогать наиболее эффективно управлять нашей великой Родиной.